

СИГИЗМУНД
КРЖИЖАНОВСКИЙ

Штрихадунтан катогорни рассуока

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

«Некто»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178392
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Сигизмунд Кржижановский

«Некто»

Еще в пригостишкины дни моей жизни, взясь с переплетенным в красный коленкор задачник по арифметике, я старался представить себе образ человека, глухо там названного: «Некто». Сотни пронумерованных задач превращались для меня в главы странной повести о жизни и приключениях таинственного «Некто»: «Некто» нанял работников; помножил монеты на аршины, поделил все это на фунты; «Некто» приобрел имение; он же вдруг взял и разделил его меж тремя сыновьями, складывая и вычитая почему-то для этого цифры их лет; «Некто» получил прибыль, и он же раздал нищим восемь монет; построил странный бассейн в две трубы: через одну вода втекает, вытекает через другую... Кто он?

Тянутся долгие зимние вечера. Лампа прикручена. И в вихрастой голове, сонно качающейся над синими клеточками тетради, под слипающимися веками в рамке из черных цифр возникает будто давно-давно знакомый облик: пожилой господин – глаза спрятаны за синими стеклами очков, щетинится седеющая острая борода.

Из первого во второй предстояла «передержка». До экзамена пять дней. Отыскав в одном из городских парков пу-

стую скамью против журчащего фонтана, я стал отгадывать – и так и этак – искомую цифру работников, нанятых «Некто» для рытья колодца глубиной в две сажени. «Если один раб. вырывает в 1 час 1 ар. земли и если они работали 3 часа, то...» Работников было $2 \frac{2}{3}$ человека.

Я глубоко задумался, стараясь представить себе наглядно $\frac{2}{3}$ работника. Тетрадь недоуменно глядела на меня своими серыми цифрами сквозь синие клеточки.

Вдруг чья-то тень легла на страницу. Шагов я не слышал.

– Ну что? Не выхожу? – спросил чуть насмешливо чей-то тихий, но четкий голос. Я поднял глаза.

– Вы?

– Я.

Рядом со мною на скамье сидел, заглядывая в синие клетки тетради сквозь синие стекла очков, пожилой господин с острой щетинистой бородкой, одетый в просторную поношенную серую пару. Помедлив секунду, незнакомец, вежливо улыбаясь, протянул сухую, с короткими пальцами руку к цифрам.

– Ну вот, – сказал он, овладевая моим карандашом. И серые цифры покорно и юрко забегали под его нажимом. – Готово.

Задача лежала решенной на моих коленях.

– Надо вам знать, молодой человек, – продолжал мерным голосом господин в серой паре, поправив очки, – что раз я нанимаю рабочих...

Слова стучали мерно и спокойно.

– Ну что, поняли?

Я молчал.

В это время к нашей скамье подошла нищенка с двумя оборвышами: один, еще грудной, слипся губами с ее грязной, выставившейся из тряпья грудью; другой – мальчонка лет четырех-пяти, – уцепившись за юбку, волочил кривые ножки по земле.

– Подайте, Христа ради, что милость...

«Некто» перевел очки с пригостишки на нищенку; хитро улыбнулся; сунул три пальца правой руки в жилетный карман и, распрямив ладонь, разложил на ней пять новеньких медяшек.

– У меня, – начал он все так же тихо и четко, – три монеты копейного достоинства и два двухкопеечника. Спрашивается, – «Некто» повысил голос и поднял голову, как если б обращался не к нищенке, а к цветущим клумбам и разбегающимся по радиусам дорожкам, – спрашивается: сколько я вам дам копеек, если число их равно количеству единиц в цифре, которая получится от умножения числа ваших детей, сударыня, на количество монет низшего достоинства и в результате деления полученного произведения на цифру монет высшего достоинства?

Водворилось молчание. Женщина стояла, низко опустив голову. Малыш пялил глаза на неподвижно раскрытую ладонь со сверкающими медяками. «Некто», снисходительно

улыбаясь, поторопил:

– Ну.

И, опустив еще ниже голову, женщина молча пошла прочь.

Господин в сером, выждав паузу, ссыпал медяшки назад, в карман: улыбка поползала-поползала по лицу и юркнула куда-то внутрь, точно под кожу. Опять молчание; не молчит лишь фонтан.

– Вы думаете, – вздохнул «Некто», скосив на меня глаза, – вы думаете, мне жаль медяшек? Нет-с. Вы полагаете, вероятно, что мне очень прибыльно связываться с этими вот дармоедами-рабочими из задачи № 1136? А почему вы знаете, молодой человек, может быть, и до воды-то они не дорыли, а деньги плочены. Да, может быть, мне и не такая яма нужна, – «Некто» как-то болезненно улыбнулся, – а я вот рою – рою – рою. Пусть берут, мне цифр не жалко, но нужен порядок. Счет нужен. И чтобы «по ответу». А так, «Христа ради», не могу же я, поймите вы...

«Некто» повернулся ко мне лицом и вдруг круто оборвал речь: вероятно, вспомнил, что собеседник его слишком мал и глуп.

– Вот вы мне решите-ка лучше задачку, – заговорил он, меняя тон и мотнув острием бородки в сторону безмятежно урчащего фонтана. – Если, скажем, стенки этого вот водоема да поднять до уровня струи. Если внутрь поместить человека, а трубу, выводящую воду, заколотить, понимаете ли, на-

глухо заколотить, то, спрашивается, через сколько времени человек утонет? А?

Я беспомощно перебирал синие клетки тетради.

– Боюсь, срежетесь на переэкзаменовке, – строго добавил «Некто». – Вам сколько? Двенадцать? Порядком. По два года на восемь классов – $2 \times 8 = 16$, а $12 + 16$ равно 28. Эге, дела ваши плохи. Ну-ну, бросьте моргать глазами, я пошутил. Пока.

Качнув снисходительно головой, «Некто» медленно поднялся, – и его серая фигура замаячила меж цветущих деревьев парка.

На переэкзаменовке я срезался.

Отошло лет десять. Ночь. Сунув руки в карманы студенческой тужурки, я шел пустынными улицами, вслушиваясь в свои шаги и в свои мысли.

Вдруг у самого уха:

– А-а, сколько лет, сколько зим...

Голос знакомо тихий и знакомо четкий. Я обернулся: в блике фонаря – очки, острая борода, насмешливый профиль.

– Виноват...

– Забыли?

– Нет, – отвечал я, стараясь быть развязнее, – правда, года четыре как не заглядывал к вам, под красный коленкор, но... помню. Вам что угодно?

– Да-да, – рассеянно, как бы не слыша моих слов, ронял «Некто», – другие задачи... запросы... проблемы... Я понимаю, конечно.

Идя вслед за мной, спутник вышел из полосы света, и лица его уже нельзя было рассмотреть. Мы шагали в молчании.

– Ну, что же вы теперь подельваете? – спросил я резко, стараясь заглушить неприятное чувство.

– Я? По-старому, все по-старому. Делю капиталы, рою колодцы – помните? – бассейны, там, странствую из города А в город Б, из Б в А помаленьку... Ну а вы, конечно, молодой человек, любите, там... первую «единственную», вторую «единственную», третью «единственную»... Которая сейчас? Религиозные увлечения... как это у Мольера? «Верю, что $2 \times 2 = 4$, а $2 \times 4 = 8$ ». Тэк-с.

От тихого и четкого голоса спутника мне стало не по себе. Ускоряя шаги, я бросил через плечо:

– Если бы даже и так, тут нет ничего смешного: сердце, господин «Некто», не счетная костяшка, вдетая на стержень. Хочу – люблю, хочу – нет. Ударом сердца счета не веду. И вообще, я не понимаю, зачем вы вторично...

– Тысяча извинений, – проговорил спутник, все не отставая. Голоса наши гулко бились о каменные стены ночной улицы. – Тысяча извинений. Я очень и очень считаюсь с вашим мнением и всегда ценил... Десять лет два месяца и четырнадцать дней тому назад я имел удовольствие уже беседовать с вами и был чрезвычайно заинтересован уже тогда

аматематичностью, если разрешите так сказать, вашего высоколюбопытного мышления. Юность никогда не учитывает ни лет, ни опыта, ни правил, ни трезвого расчета. И я был молод...

– Вы?

Мы обменялись взглядами.

– Не верите? Был. Но сложилось так: видите, если у звезд – орбиты, с которых им – ни-ни, если счетная костяшка, которую вы чрезвычайно остроумно изволили приравнять сердцу, и та вдега на железо стержня, то и... Вы молчите, вы думаете, мне легко: тысячелетие к тысячелетию, век к веку, год к году, – и в каждом, вы только подумайте, 525 600 минут, нет – 31 536 000 секунд, и все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты. Один – меж миллиардов пустот. Числа – числа – числа: и каждое притворилось дюймом, метром, вехой, верстой, пространством, беспредельностью; работником, сыном, братом, человеком; глубию, высю и ширию. Один, всегда один среди мириады пустот!

– Кто вы? – спросил я, внезапно остановленный самым смыслом прозвучавших слов.

Опять луч фонаря пополз, ощупывая желтым бликом серое, спрятавшее свои глаза за стекла очков лицо. Он долго не отвечал.

– Меня нельзя называть «Кто», – сказал он наконец глухо, прислоняясь спиною к горизонтальному стержню, выступившему впереди какой-то темной витрины, внезапно забли-

ставшей в свете фонаря. – Меня нельзя называть «Кто», я – «Некто». Одною лишь буквою отделен я от... – И, обхватив цепкими кистями рук медный, цвета желчи, предвитринный стержень, точно пробуя нанизаться на него, он закончил: – Есть одна задача... самая трудная из всех. Я решил: в ответе – 0. Ну, идите, юноша, идите, куда шли: мне сюда, – оборвал «Некто», поворачивая голову к витрине.

Я глянул по направлению его движения: только теперь я разобрал – это было узкое окно какого-то мелкого книжного магазинчика: среди брошюр, печатного старья, дешевых книг и журналов блеснуло золотом в глаза из красного: «Задачник по арифметике».

– Мне сюда, – шепнул еще раз спутник.

Минуту я колебался.

– Прощайте, – и я быстро пошел прочь.

– До свидания, – поправил четкий, но тихий-тихий голос мне вслед.

Я обернулся: ни у витрины, ни вдоль каменного, с заколоченными дверями коридора улицы никого не было.

Отошли 31 536 000 и еще 31 536 000 секунд. Запылали зарева войн. Я не встречал в их свете «Некто», но часто чувялась близость и возможность встречи – ведь сказал же он: «До свидания».

Приходили в окопы люди, и кто-то говорил им четко, но тихо: «По порядку номеров расч...айсь» – «На пер-

вый-второй расч...айсь». Кто-то тихо писал четким почерком: «1000–2000 – 100 000 штыков»; было удобно считать эти торчмя торчащие в воздухе ряды стальных заостренных единиц: там, под штыками, что-то копошилось, крестилось и охало, – но штыки одинаково чернели одинаковыми остриями. Кстати, на них так удобно, как на стержни счетов, нанизывать – костяшками – хрустящие тела. И кто-то с утра до вечера (как ясно чувствовалось тогда, что в каждом дне 86 000 секунд, страшно длинных, и что каждая замахнулась на твою жизнь нулем), какой-то некто, таящийся позади, подсчитывал людей: выстрел – выстрел – выстрел. Сбивался. Встряхивал счета: залп. И снова принимался за подсчет: выстрел – выстрел – выстрел. И колонки цифр, одетых в серое, карандашного цвета сукно, сощелкивались прочь с земли; и убитая цифра покорно ложилась под ворсящееся травинками зеленое сукно полей.

Однажды мне показалось, я видел «Некто». Под вечер пригнали пополнение: здоровые добродушные мужики. Шепчут – вздыхают: «Владычица пречистая!» Звон манерок, шелканье затворов. Загудел автомобиль: «Стройся, по порядку номеров...»

- Который полк? – раздалось из темноты – тихо, но четко.
- 178-й стрелковый.
- Сколько штыков?
- 2060.
- Ага. Командира полка. – У автомобиля заговорили

вполголоса. Доносилось: «В 4.30 наступать. Участок от высоты 171 до высоты 93. Не щадя...»

– Но, вашдиство...

– Ступайте! – И автомобиль, удаляясь, тихо, но четко прошуршал колесами о песок.

И еще миллионы секунд. Революция.

Где «Некто»? Наверное, под переплетом задачника; в подполье: ночует то в № 1001, то в № 666; боится: найдут, обыщут, отнимут все цифры.

И вдруг... Правда, то была лишь полувстреча.

Однажды я, вместе с другими, стоял у дверной щелки на приеме у человека, от серого карандашного росчерка которого зависело решить мою судьбу, как простенькую приготовишкину задачу №... Мне не удалось добиться аудиенции, но в узкую щель двери мелькнули и для меня – на мгновение – синие стекла очков, серая потертая пара и остро ошестинившаяся борода. За доской двери мерный и четкий голос чеканил: «Вы вычеркнуты из списка, товарищ; ничего не могу... Следующий». Щель закрылась.

И все же рано ли, поздно ли, а будет встреча. Последняя. Я помню его «до свидания». Пусть. И тогда: или я – или он.